

Ханна Линн

Перевод Анастасии Воронцовой

ДИТЯ АФИНЫ

фэнтези

МИОО

ПРОЛОГ

Есть люди, которые считают, что монстры рождаются монстрами. Что некоторые создания уже появляются на этой Земле с тьмой в сердце столь всепоглощающей, что любовь ни одного простого смертного не могла бы ее усмирить. Они считают, что такие души неспособны достичь искупления и не заслуживают его. Это чудовища, несущие хаос всем на своем пути. Мстительные и полные ненависти, они не достойны ничего, кроме нашего презрения.

Вероятно, так и есть. Вероятно, все монстры такими и рождаются. Но в то же время, может, это только способ спрятать тьму, что таиться внутри каждого из нас. Тьму, которую мы заставляем себя скрывать от мира, потому что не в силах даже вообразить, какие ужасающие злодеяния случатся, если мы позволим этой тьме разрастись. Потому что такова общеизвестная правда. Тьма разрастается.

Все было бы проще, если бы она не разрасталась. Эта история во многом была бы проще, пояись тьма в ней иным путем. Но она появилась так. Медуза выросла среди монстров, но не родилась одной из них.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Стоя на пороге, три фигуры смотрели, как оседают в воздухе клубы пыли. Они хранили молчание, но эта тишина не была мирной и уютной. Это была тишина, отягощенная размышлениями, невысказанным вопросом, ответ на который все знали, но никто не хотел произносить вслух.

Зелень весны уже сменилась летним зноем. Длинные тени кипарисов прочертили линии на сухой пыльной земле, а запах переспелых плодов делал воздух вокруг них сладким. Сморщенные ягоды усыпали землю, служа превосходным пиром для насекомых, которые сновали по камням и грязи. Солнце уже начало садиться,

но вечерний воздух все еще был по-дневному влажным. Семья смотрела, как лошадь со всадником исчезают за горизонтом; по их лицам и спинам струился пот.

— Нам стоит учесть этот вариант, — сказала мать, Аретафила.

Первой всегда говорила она. Ее слова звучали резко и бесчувственно, словно обсуждалась не более чем сделка, продажа на рынке, — что, конечно, соответствовало истине. Притворяться, будто в этом таилось нечто большее, просто нелепо.

— Нет, не стоит. И мы не станем его учитывать. — Впервые после прощания с гостем Фалес и его жена встретились глазами.

— Нельзя продолжать откладывать. Нам повезло. Это хорошая партия.

— Почему ты так говоришь? — резко спросил Фалес.

— У меня все-таки есть опыт в подобных делах, — ответила Аретафила.

Пара посмотрела на девочку, стоявшую между ними.

— Иди в дом, — сказала Аретафила старшей дочери. — Найди сестер. Позаботься, чтобы они не перепачкались. И сегодня нам не придется беспокоиться о готовке. Мы прекрасно обойдемся дарами нашего гостя.

Медуза отвела взгляд от линии горизонта. Коротко кивнув матери, она повернулась, собираясь уйти.

— Но сначала снимите его. — Отец указал на дорогое ожерелье, обвитое вокруг ее шеи. Медуза, подняв руку, дотронулась до украшения. Не говоря ни слова, сняла нить блестящих драгоценных камней через голову и передала отцу, а после скрылась в глубине дома.

Тот всадник был уже третьим посетителем, которого они принимали за месяц, и пока что самым богатым из всех. Он привез с собой корзины инжира, вино, оливки, мясо и драгоценности. А еще ожерелье, инкрустированное золотом и таким количеством гранатов, какого никто из семьи не видел за всю свою жизнь. За него они выручат больше денег, чем их хозяйство принесет за три года. Фалес кинул взгляд на украшение, и его бросило в дрожь.

— Аретафила, — сказал он, взяв ладонь жены в свою, — что же нам делать? Ты правда веришь в то, что говоришь? Что это хорошая партия?

Она медленно кивнула:

— Да. Он был обходителен. У него хорошая репутация. И ум. Не все столь одарены.

— Ум означает проницательность, коварство, — возразил Фалес. — Он вдвое меня старше, даже чуть больше. Чем мужчину такого возраста может заинтересовать тринадцатилетняя девочка?

В молчании жены он услышал все ответы, которых боялся.

Какое-то время только цикады и дрозды нарушали повисшую тишину; наконец Аретафила, выпустив воздух из легких, вздохнула:

— Это может быть не так ужасно, как тебе кажется, Фалес. Многим везет. Мне повезло. Моей семье повезло. Ты не можешь вечно держать при себе всех наших девочек из-за судьбы твоей сестры.

— Всех я и не держу. Только Медузу, — просто-нап Фалес, потирая переносицу. — О, какая тяжелая ноша — дочери! Знал бы я, как это все будет мучительно, утопил бы сразу после рождения.

Аретафила стремительно развернулась к мужу.

— Ты бы этого не сделал, — резко сказала она.

Фалес грустно засмеялся:

— Конечно нет. Я бы не смог отправить ее на дно реки тогда, и теперь не могу отправить ее к волкам. Такая вот глупость. Говоришь, тебе повезло с замужеством? Хороший муж не изводился бы из-за таких пустяков.

Аретафила положила руку на локоть мужа.

— Это не пустяки, твое беспокойство говорит о твоём добром сердце. Но они не все волки, Фалес. Не все.

Фалес шагнул к дороге; ветер уже стер с песка следы подков.

— Ты ошибаешься, любимая. Хотел бы я, чтобы все было как ты говоришь, но это не так. Они облизывают губы, когда видят ее. Это не мужчины. Это змеи, которые ищут себе самые свежие яйца. И когда находят, то разбивают их, поглощают содержимое, и оставляют лишь пустые оболочки. Я это сердцем чувствую. Каждым своим вздохом. Всякий раз, когда смотрю на нее. Митрис была

на целый год старше Медузы и только наполовину так же красива. Моя дочь не должна повторить судьбу моей сестры.

— Но что тогда, Фалес? Что ты прикажешь нам делать?

Путешествие вышло длинным; четыре дня на ногах — и ни капли дождя, который бы облегчил зной, и еще меньше тени, которая защитила бы от жгучего солнца. Они путешествовали вдвоем, и, хотя денег было достаточно, путники спали под деревьями или вовсе под открытым небом. В первый день, несмотря на попытки отца завести разговор, Медуза ничего не говорила, потому что ее душа кровоточила, раненная прощанием с сестрами.

— Ты же скоро вернешься, да? — Сфено, младшая из двух ее сестер, вцепилась ей в ноги. — И я уже лучше научусь делать колесо. Ты обязательно будешь на меня смотреть. Ты вернешься и согласишься, да?

Медуза боролась со слезами, затуманившими взор.

— У тебя остаюсь я, — утешила младшую средняя сестра Эвриала, спасая Медузу от необходимости давиться словами. — Я посмотрю, как ты делаешь колесо.

— Но ты не такая умелая, как Медуза, — возразила Сфено.

— Это правда, — согласилась Эвриала, — но лучше тебя.

Она стала ерошить волосы Сфено, пока та не рассмеялась.

— Спасибо, — прошептала Медуза.

Эвриала была младше ее на семь лет, но ей всю жизнь казалось, что они из разных поколений. Детские повадки сестры — верещать при виде мышей, вскакивать и убегать в истерике — в итоге убедили Медузу, что она была бы гораздо счастливее, живи они на разных концах деревни. Медуза вспоминала, сколько раз обрывала разговоры с ней, потому что несерьезные детские темы казались ей скучными, или же оставалась слушать, но досадовала, понимая, как много полезного могла сделать за это время. Как же она теперь желала вернуть все эти мгновения. Все минуты, когда пренебрегала малышкой ради того, чтобы полить цветы, помочь на кухне или просто побыть в одиночестве, подалее от болтливой сестренки. Сколько их всего наберется, гадала она. Всех этих минут. Пара часов? Медуза тут же поняла, что это слишком низкая оценка. Тогда, наверное, день. Или даже неделя. Целая лишняя неделя, которую она могла бы провести с сестрой.

— Как знать, — Эвриала сжала ладонь Медузы, — может, Богиня пожелает, чтобы мы тоже пришли и присоединились к тебе. Может, мы все трое однажды воссоединимся в ее храме.

Ханна Линн

— Может быть.

— Или, возможно, она решит, будто ты слишком красива, чтобы там оставаться, и отправит тебя обратно к нам с царскими богатствами.

— Сомневаюсь, что она отправит меня обратно, да еще и обогатит.

— Посмотрим, — сказала Эвриала и обняла сестру.

Шагая рядом с отцом, Медуза пыталась вспомнить каждое из тех забытых мгновений.

— Прости, сестра, — прошептала она ветру, шагая вперед. — Прости меня.